

ЗИМНЯЯ ВОЙНА

ДОРОГИ ЧУЖОГО СЕВЕРА

АЛЕКСАНДР
ТАМОННИКОВ

Александр Тамоников

Зимняя война.

Дороги чужого севера

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Зимняя война. Дороги чужого севера / А. А. Тамоников —
«Эксмо», 2019

Зима 1939-40 гг. На Карельском перешейке идут тяжелые бои. Красная Армия пытается выбить белофиннов с неприступной линии Маннергейма, но каждый раз вынуждена отступать под мощным огнем противника. На одном из участков советское командование решает бросить в бой штурмовую группу старшего лейтенанта Никиты Мечникова. Разведчикам удастся захватить вражеский опорный пункт. Но финны быстро приходят в себя и окружают наших бойцов. Мечников понимает: удержать захваченный форпост – значит обеспечить успех всей операции. Но слишком уж неравными кажутся силы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Тамоников
Зимняя война. Дороги чужого севера

© Тамоников А.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава 1

16 декабря 1939 г.

Ситуация стала меняться, когда разведчики окончательно продрогли, потеряли надежду и свирепые карельские морозы обложили вдоль и поперек. Ночь была в разгаре, в разрывах туч поблескивали звезды – чужие и далекие. Пулеметная ячейка, вынесенная за пределы траншеи, была необитаемой. В двух шагах от нее взорвался советский снаряд, схлынула осыпь, встали на дыбы бревна наката, и финны с тех пор предпочитали держаться отсюда подальше. Ячеек хватало – и слева, и справа. Над бруствером мелькали обтянутые белой материей каски, доносились обрывки чужой речи. Под высотой, на всем протяжении покатого склона, высились в шахматном порядке гранитные противотанковые надолбы. За ними – три ряда колючей проволоки, завихрения спирали Бруно. До дальнего леса, занятого советскими войсками, было километра полтора.

Командир взвода полковой разведки, старший лейтенант Никита Мечников, приподнял голову. «Восставшие» бревна громоздились как попало – под их прикрытием разведчики сюда и проникли. Лучше не помнить, сколько сил и нервов пришлось потратить, чтобы проползти изрытое воронками пространство. Никита забрал прислоненный к стене окопа пистолет-пулемет «Суоми», прошел вперед на корточках и снова поднял голову. Екнуло сердце – он резко подался вниз, прижался к стылому откосу. По главной траншее прошли солдаты в белых куртках и штанах. Военные переговаривались, забавно тянули гласные. Никита не дышал. Сделай эти парни остановку да взглядишь в темноту – могли бы заметить постороннее пятно. Но все обошлось, патруль проследовал мимо. Мечников облегченно выдохнул – не пришел еще его час. Он снова привстал, обозрел местность. Ходы сообщений отделялись от главной траншеи и уходили в неизвестность. На флангах выделялись долговременные огневые точки – приземистые сооружения. В глубине еще один объект – что-то расплывчатое, угловатое, со щелевидными амбразурами. За объектом окоп, из которого торчали стволы минометов. Оборона на этом участке не была эшелонированной – практически все огневые средства концентрировались на переднем крае. В стороне чернел подозрительный лесок, а за лесистыми холмами на северо-западе – городок Путоярве, который полк товарища Уматова должен был занять еще позавчера...

Мечников перебрался к главной траншее. Снова замер, прислушался. Голоса в морозном воздухе преображались в прерывистый гул. Они рождались будто отовсюду. Бряцал металл, что-то скрипело. Находиться в неподвижном состоянии было неудобно. На качество одежды в отличие от большинства красноармейцев разведчики не жаловались. Под маскхалатом теплое нательное белье, суконное обмундирование, ватник без воротника, да еще утепленные башлыки, меховые перчатки, валенки – простым красноармейцам, лежащим сутками в снегу, такое счастье было недоступно. И все равно конечности уже подмерзали. Никита подался назад, прошептал:

– Данилов, Карабаш, за мной... Иванченко, остаешься здесь, наблюдай за обстановкой. Станет все плохо, отвлекай на себя.

Мечников выбрался в главную траншею, пробежал, пригнувшись, влево, втиснулся в боковое ответвление. Это был обычный ход – узкая траншея без наката, блиндажей, вынесенных гнезд, – и оставалось лишь гадать, куда она ведет. Финны падки на сюрпризы. С какими только неожиданностями не приходилось сталкиваться советским солдатам в незнакомой местности...

Перебежали остальные, сели рядом. Разведчики дрожали от холода, поблескивали глаза. Трофейные автоматы «Суоми» сковывали движения. Оружие было так себе, кучность низкая, стволы чересчур длинные – однако барабанный магазин на семьдесят патронов внушал уверен-

ность. Отпадала нужда считать истраченные патроны. На своих парней Никита мог положиться в любой ситуации. За спиной Семена Карабаша – бои на Халхин-Голе, грамотные действия в составе батальонной разведки. Невозмутимый, приученный терпеть неудобства, он никогда не жаловался, действовал быстро и решительно. Красноармеец Леха Данилов был молод – восемнадцать «мальчишеских лет», при этом обладал всеми нужными качествами: был отчаян, но не до беспшабашности, резок, но без лишних движений, физически развит, вынослив и с головой на плечах умел ладить. Вот и сейчас они не лезли с подсказками и предложениями, ждали, что решит командир.

– Полное внимание, товарищи разведчики, – прошептал Мечников. – На переднем крае нам искать нечего, будем углубляться. Запоминаем ориентиры для обратной дороги.

Одолели метров тридцать, снова присели. Шум глушили порывы ветра, временами сыпал снег. Погода в декабре на Карельском перешейке была в принципе сносная. Ниже десяти по Цельсию температура не опускалась, по ночам – холоднее, но не критично, при наличии защиты от ветра – терпеть можно. Сильные морозы ожидались после Нового года – в эти периоды так называемых «крещенских» морозов столбик термометра мог рухнуть и до сорока. Три головы воспарили над гребнем траншеи, и белые капюшоны в темноте тут же слились с местностью. Неказистое бетонное сооружение оказалось совсем рядом – вернее, боковая сторона. В углублении просматривалась дверь. Мелькнула шальная мысль: закидать гранатами, но это вариант самоубийственный, не за тем сюда пришли. Солдаты сидели кучками в пулеметных и стрелковых ячейках, наблюдали за тем, как в амбразурах бетонного сооружения поигрывали блики света.

– А месяц-то – не май, товарищ старший лейтенант, – напомнил Данилов, теряя терпение.

– Ну да, зима не бабья, – с усмешкой согласился Карабаш. – Но это ерунда, то ли еще будет, Леха.

– Это испытание, товарищи бойцы, – заметил командир. – Мы все одолеем и станем сильнее.

– Еще сильнее? – удивился Данилов. – Да куда уж сильнее...

– Странно, куда все финны пропали? – размышлял Карабаш. – Сидят кучками у своих амбразур, а здесь – шаром покати. Новый год заранее отмечают? Это правильно, в срок-то не удастся, перемелем мы их в мелкую пудру... Послушайте, товарищ старший лейтенант, а что это за штука бетонная? На дот не похоже – огневые точки на переднем крае, отсюда половину поля не видно...

– Видимо, офицерский бункер, – отозвался Никита.

– А такой бывает? – удивился Данилов. – Пулеметный – знаю, артиллерийский тоже знаю... – Он осекся, и все снова замолчали.

Мечников вглядывался в очертания объекта. Сооружение небольшое, часть заглублена в землю, но, кажется, незначительно. Объектов с серьезной инфраструктурой на этом участке быть не может. Скорее всего это небольшой командный пункт или узел связи. Или что там еще?

– Так, тихо...

В сооружении обрисовалась нора дверного проема, возникли два силуэта. И эти были в зимнем камуфляже, капюшоны болтались за спинами, чернели стальные шлемы на головах. Мужчины закурили, непринужденно переговаривались. Но погода не способствовала долгому нахождению на открытом воздухе. Налетел порывистый ветер, и один из них, бросив окуроч, развернулся, исчез в бункере, а другой, отправившись в противоположную сторону, углубился в траншею по грудь, словно по воде брел. Траншея спускалась к кубической постройке, вынесенной за пределы участка обороны. В назначении этого «кубика» вряд ли стоило сомневаться.

– Товарищ старший лейтенант, в уборную пошел... – возбужденно зашептал Карабаш. – Это офицер, я вам точно говорю, видите, у них отдельное отхожее место...

Мечников напрягся. Похоже, Карабаш был прав. Субъект ускорялся, подпрыгивал – припичило человеку. Отворилась и захлопнулась дверь. Офицер или нет – это неважно, пусть даже младший командир, главное – они обязаны знать количество войск и схему их дислокации. Никита бросил подчиненным, чтобы держались от него подальше, а сам начал движение. Два изгиба траншеи, спуск...

Теперь и он переминался, подпрыгивал у отхожего места, усердно изображая нетерпение. Заскрипела дверь, появился приземистый мужчина, посторонился, искоса глянув на мельтешащее перед глазами пятно. Мечников подался к открытой двери, потом неожиданно резко повернулся и, стиснув финну горло предплечьем, ударом валенка выбил почву из-под его ног. Противник потерял опору, но все же ухитрился выкрутиться и издал какой-то звук. Кричать он, к счастью, не мог – горло завязалось узлом. Подбежали Карабаш с Даниловым, но не стали вмешиваться. Остановились в стороне, подстраховывая командира. Мечников оседлал добычу, нанес удар в челюсть, отправляя финна в прострацию, и, переводя дыхание, поднял голову.

– Неплохо вы его уgomонили, товарищ старший лейтенант... – прошептал Данилов, пристраиваясь рядом. – Слушайте, а мне показалось, что он смеялся – ну, когда вы его в первый раз за горло схватили. Почудилось, наверное.

– Вроде засмеялся, – подтвердил Никита. – Решил, наверное, что розыгрыш, свои пугают. Потом, конечно, стало не до смеха...

Захваченный субъект продолжал лежать, не подавая признаков жизни. Мечников растегнул на пленнике верхнюю пуговицу маскировочной куртки, раздвинул отвороты. В петлице блеснули три геральдические розочки, эмблема на погоне.

– Это капитан, удачно мы его... Вытаскиваем бережно, обращаемся, как с мамой родной, все уяснили? Запомните, все, что было до текущего момента, – безмятежная прогулка, а теперь начинается самое сложное. Приказываю доставить этого тюленя в целости и сохранности...

Офицера финской армии потащили за воротник, сгибаясь в три погибели. Он пришел в себя, что-то промямлил, потом стал кашлять. Мечников кинулся к нему, закрыл рот ладонью. Кляп придумали быстро – оторвали капюшон, скомкали, утрамбовали в глотку. Карабаш даже шутку отпустил: скажите «а-а», больной. Пленного потащили дальше, вписываясь в изгибы траншеи. Как вовремя! По канаве, ведущей к отхожему месту, кто-то топал, беззаботно насвистывая. Бойцов даже злость охватила: так уверены в своей неуязвимости? А над душой, между прочим, целый полк завис! Траншея была уже почти рядом, до нее оставалось метров восемь, но Мечников вдруг вскинул руку: застыли! Поздно! В проходе возник финский военнослужащий с автоматом на плече. Он что-то услышал, повертел головой, потом повернулся к боковой траншее, подался вперед – не поймешь в этой темени... Никита схватил его за ворот, поволол в боковой отросток, другой рукой выдернул нож из чехла. Солдат обмер от внезапного страха, что-то прохрипел, а в следующий миг Мечников уже вонзил лезвие ему в живот. Острая сталь пронзила плоть, порвала внутренности. Он нанес не меньше пяти ударов, потом оттащил обмякшее тело от главной траншеи и бросил на землю. Солдат вздрагивал, растопырив свои высокие сапоги с задранными носками – пьексы. Как просто у этой публики, подумал Никита, на войну идут со своим добром – обувью, варежками, шерстяными носками, теплыми свитерами и кофтами – и плевать хотели на холодную зиму...

Товарищи за спиной озадаченно помалкивали. Мечников осторожно поднял голову. Вояка был один – значит, пронесло. Но скоро другие наткнутся на труп или хватятся пропавшего офицера... Он махнул рукой – ходу, служивые, выскользнув в проход, припустил влево. Отросток пулеметного гнезда – в трех шагах. Он ворвался туда. Уже собрался выдохнуть с облегчением, но не тут-то было – споткнулся о скрюченное тело в маскировочном халате, отпрыгнул, наступил на другое! Кто их тут разбросал?..

– Товарищ старший лейтенант, не обращайтесь внимания... – раздался тихий голос рядового Иванченко. – А что оставалось, товарищ старший лейтенант? – с какой-то обидой тянул

боец. – Я сидел, ждал вас, вдруг эти двое полезли к брустверу. Меня не сразу заметили, ну а когда это случилось... В общем, одного прикладом, второго ножом, потом опять первого прикладом... О, а вы с уловом, товарищ старший лейтенант! – воскликнул он, и даже в темноте было видно, как его рот растянулся в улыбке. – Офицера взяли? Так валим отсюда скорее!..

– Толик, ну ты и наделал... – прошипел Данилов. – После тебя ни пройти ни проехать... Товарищ старший лейтенант, может, еще повоюем? Мне что-то подсказывает, что их тут с гулькин нос осталось. До утра, глядишь, управимся...

– А ну заткнулись, шутники... – цыкнул на них Мечников. – Живо за бруствер ныряйте, только головы не поднимать. Через минуту такое начнется...

Иванченко первым перекатился за косогор. Мечников – за ним, обваливая мерзлую глину под животом. На бруствере буйствовал промозглый ветер, забирался за воротник. Вокруг валялись бревна, но пока они служили защитой. Никита схватил пленника за шиворот, разведчики совместными усилиями подали его наверх, и он поволок на себе упитанную тушу. Тот пришел в себя, что-то возмущенно мычал и озирался блуждающими глазами. Вернулся Иванченко – плотно сложенный курносый крепыш, помог справиться с тяжким грузом. Пленного стащили вниз, он продолжал мычанием выражать протест – пришлось двинуть по затылку, чтобы заткнулся.

– Вы бы нежнее, товарищ старший лейтенант, – забеспокоился Иванченко, – а то выбьете всю память из башки, будет на допросе ни бэ ни мэ...

Остальные тоже переползли. Теперь двое тянули пленника с одной стороны, двое подталкивали сзади. Пятнадцать метров открытого пространства, отчаянный риск, что изрешетят в упор, потом воронки, надолбы, уцелевшие и расколотые снарядами. Ориентир оставался на месте: перевернутая рогатка, утыканная колями, один из элементов противопехотного заграждения. За ней в двух метрах начинался проход между минными полями. Разведчики выявили его в начале текущей ночи, прошли от начала до конца, удалили все препятствия. Зачем проход понадобился финнам, не совсем понятно. На случай контратаки – гнать обратно в Ленинград деморализованную Красную Армию? Нет уж, раз пришли, то пришли...

Люди скатились в воронку, но едва перевели дыхание, а Мечников уже теребит: всем наружу, ползти дальше. Обнаружат разведчиков в воронке – даже из окопов выходить не будут, гранату добросят, и все, даже своим офицером пожертвуют, все равно пропащая душа... Сиплое дыхание вырывалось из натруженных легких. Бойцы ползли вдоль противотанковых и противопехотных заграждений, по обрывкам колючей проволоки, режущим руки и животы. Валялись перевернутые надолбы – из них образовалась целая горка. А вот за ней таких укрытий больше не было – местность почти голая, лишь трещины в земле, засыпанные снегом, да воронки от мин и снарядов.

– Как-то неправильно все, товарищ старший лейтенант... – прокряхтел Карабаш, гнездясь за гранитной глыбой. – Обратная дорога всегда короче, а у нас, наоборот, длиннее... Дальше не пойдем, что ли?

– Затаиться, и молчок, – приказал Никита. – Чую всеми фибрами, товарищи красноармейцы, что сейчас начнется...

Просто дико повезло, что не началось раньше! Три трупа, пропавший офицер – ослепли они там, что ли? Не успел он так подумать, как за спиной, во вражеском расположении, посыпались тревожные крики. Забегал народ. Прогремел выстрел – сигнал тревоги. Залязгали затворы пулеметов. Разведчики не подавали признаков жизни. Несложно сообразить, откуда ветер дует и где он сейчас! Неужели ползут через бруствер, будут прочесывать передний край? Вспыхнули прожекторы, забегали лучики пронзительного белого света. Они облизывали извивы колючей проволоки, прочие «чудеса» финской инженерной мысли, воронки от снарядов. Один из лучей задержался на перевернутых надолбах, отправился дальше. Разведка помалкивала. Иванченко прижал локтем к земле затылок пленного. Бедняга весь побагровев,

вывернул голову, чтобы как-то дышать, глаза, чуть ли не вылезавшие из орбит, светились какой-то зеленой тоской. Мужик был неглупый, понимал, что можно вырваться, побежать – но какая при этом вероятность, что свои прикончат русских и не прикончат его? Нет такой вероятности, даже мизерной.

Луч сместился на восточную оконечность поля. В окопах кричали, простучал крупнокалиберный пулемет, впрочем, быстро заткнулся. Заяц пробежал – а они что подумали? Пятна света продолжали рыскать, значит, стоило запастись терпением. От земли исходил адский холод – старались не замечать. Мечников закусил губу, приказал себе терпеть...

Прожекторы скребли лучами по другому концу поля. Пошли по команде – встали, ринулись в узкий проход. Упитанного капитана гнали пинками. Он мычал, извивался, сберегая от ударов свои «ценные места». Метров семьдесят мимо надолбов и колючей проволоки – достаточно искушать судьбу! Группа повалилась на землю, люди забрались, кто куда. Никита подполз к финну, выдернул кляп изо рта, и тот зашелся в глухом кашле.

– Вы уверены, товарищ старший лейтенант? – заволновался Карабаш. – А вдруг заорет?

– Не заорет, – возразил Никита. – Наш чухонец не туп, понимает, что избирательно стрелять не будут. Если накроют, то всех. Правильно, господин капитан? – обратился он к пленному на ломаном финском. – Дайте сигнал, что понимаете. Благоразумие еще с нами?

– Что вы хотите от меня? – Голос капитана ломался, как сухая доска. – Я ничего не знаю... Куда вы меня тащите? Лучше убейте прямо здесь...

– Обязательно убьем, – пообещал Мечников. – Если нам разонравится ваше поведение – тут же придет пора расстаться. Но что-то подсказывает, что вы не хотите умирать. Быть мертвым – не ваше, я правильно расценил эту щемящую тоску в ваших глазах? Ладно, не отвечайте. Ваше имя?

– Капитан Реймо Киймаа... – выдохнул офицер. – Командир специальной егерской роты...

– Язык ломаешь, – хмыкнул Толик Иванченко. – И как они сами это выносят...

– Так же, как мы – свои непостижимые для финнов имена и фамилии, – объяснил Мечников. – Надеюсь, мы понимаем друг друга, господин Киймаа? Вы не кричите, значит, понимаете. Большая просьба: слушать наши команды, это все, что вы можете сделать для того, чтобы остаться живым. После окончания войны, которая, разумеется, завершится не в вашу пользу, будет производиться обмен пленными, и у вас есть все шансы вернуться к своим суомским елям и березам.

– Да, я понимаю... – кивнул пленник.

Лучи света продолжали рыскать по полю... и вдруг застыли, собрались в одной точке!

– Рассыпаться! – ахнул Мечников, откатываясь от пленника. – Данилов, Иванченко – теперь вы мамы нашему капитану! Рубеж сорок метров, вперед!

Они неслись, используя жалкие мгновения, пока финны не открыли огонь. «Ложись!» – прохрипел Никита, перекатываясь в подвернувшуюся воронку. Бойцов разбросало по узкому участку. Двое с пленником ушли вперед – и залегли где-то там, в тумане. Дальше ползком – благо ушли из-под носа противника, и тот утратил возможность расстрелять разведчиков в упор. Мечников лежал на дне неглубокой воронки, закрывая голову руками. Пулемет надрывался, захлебывался, трещали автоматы «Суоми», хлопали карабины. Во время паузы в стрельбе Никита выглянул из воронки. Трое уже выкатились в поле, ползли. Еще немного, и они окажутся в «слепой зоне» под перегибом склона. Зона небольшая, но есть возможность отдышаться перед очередным броском...

Вдруг в воздухе пронесся резкий свист, и Никита рухнул на дно воронки, зажал уши. Тут же слева ухнула мина. Еще один взрыв, теперь справа, третий – с безопасным недолетом. Заговорила минометная батарея в траншее за бетонным бункером. Но целей минометчики не видят, могут палить только наобум! Мины продолжали падать – с впечатляющим разбросом.

Троица ползла – дистанция увеличилась до трехсот метров и продолжала расти. Посыпалась земля, и в воронку, утробно сопя, свалился Карабаш, встал на колени, стал стряхивать с головы землю. Каску он потерял, капюшон оторвался и болтался на трех нитках – видно, зацепился за колючую проволоку.

– Вы живы, товарищ старший лейтенант?

– А что, похож на мертвого? – вопросом на вопрос ответил Никита срывающимся голосом, от надрывного кашля перед глазами плясали круги.

И вдруг стало тихо. Только в окопах не смолкало карканье. Подались вверх почти одновременно – и ругнулись почти хором. С бруствера слетели фигуры в белых комбинезонах, побежали вниз. Их было шестеро или семеро. Нечеткие фигуры скользили во мраке, пропадали, снова появлялись.

– А давайте им всыпем, товарищ старший лейтенант? – простодушно предложил Карабаш. – Догнать нас решили, ага, щас! Они ведь не видят ни хрена, не знают, что мы в этой воронке...

– Ближе подпустим, Семен, – произнес командир, – бьем прицельно, а потом рвем, как зайцы, глядишь, и вывезет кривая...

Финны устремились в узкий проход между надолбами. Теперь они бежали кучкой, все ближе, ближе... Разведчики терпели до последнего, а потом поднялись и с ором, как оглашенные, стали поливать свинцом движущиеся точки. Трое мгновенно рухнули, как подкошенные. Четвертый с перепугу метнулся в сторону и, насадив голову на колючую проволоку, заорал от боли. Уцелевшие побежали обратно, посыпались, как горох, в воронку. И тут снова активизировалась минометная батарея. Мины падали с надрывным свистом, рвали колючую проволоку, крушили надолбы, сделанные из низкосортного бетона без жесткого армирования. Огонь велся хаотичный, с нулевой эффективностью. Разведчиков засыпало землей. В этот щемящий момент заговорила полевая артиллерия с советской стороны! Наконец-то проснулись! Дивизион дислоцировался вблизи опушки, бинокли и стереотрубы у артиллеристов имелись, и, кажется, они верно оценили ситуацию. Частично разнесло бруствер, похоронив пулеметный расчет, часть снарядов разорвалась на склоне рядом с оборонительной траншеей, а один, похоже, угодил в воронку, где засела финская солдатня...

Над вражескими позициями зависло облако дыма. Надолго ли? Никита закричал, выгоняя оглохшего Карабаша из воронки, и они побежали, выкладываясь полностью. За ними, подхватив финского капитана под мышки, бежали Данилов и Иванченко. Никита первым достиг опушки. Карабаш приотстал, он волок за ремень раскалившийся автомат, дышал, как загнанная лошадь.

– Поднажмите, товарищи, немного осталось... – шепотом попросил старший лейтенант.

Они ушли от прицельного огня, но и шальные пули – не подарок! Никита схватил за шиворот обессилевшего финского капитана, проорал в ухо что-то свирепое – матерное. Дальше бежали уже на последнем издыхании – по изрытой осколками земле, залитой кровью советских солдат, по ухабам и канавам. Финны подтащили крупнокалиберный пулемет, открыли бешеный огонь.

– Ложись! – заорал Мечников. – Ползком, всем ползком!

Он давился глиной, перемешанной со снегом. Сил не оставалось даже ползти. Последний рывок – и Никита, поднявшись в полный рост, поволок финского капитана к кустам. Оттуда выпрыгнули люди, побежали навстречу, подхватывая на ходу разведчиков, ценного «языка». Никита рухнул в какую-то канаву – вконец измотанный, грязный, но такой довольный! Задание выполнили, вернулись без потерь – что на этой странной войне почти фантастика...

Глава 2

Конфликт назревал долго и стал логичным завершением безрассудной политики буржуазного финского правительства. Договор о ненападении просуществовал семь лет. Финская военщина бряцала оружием у самых границ миролюбивого советского государства. Буржуазная пресса обливала помоями Советский Союз – и как-то все забыли, что именно Советская Россия в 18-м году отпустила Финляндию на вольные хлеба, дав ей возможность из захудалой российской провинции стать независимым европейским государством! Финские войска стояли в 90 километрах от Ленинграда. Необходимость отодвинуть границу назрела давно. Уже с сентября части Ленинградского военного округа привели в боевую готовность, стали выдвигать на север. Прибывали войска из соседних округов, рассредотачивались вдоль границы с Финляндией вплоть до Кольского полуострова. 26 ноября финская армия устроила чудовищную провокацию: провела артобстрел советских позиций у деревни Майнилы. Погибли три красноармейца и младший командир, несколько человек получили ранения. Через день Советский Союз денонсировал договор о ненападении, войскам отдали приказ перейти границу. В этот же день советская авиация бомбила Хельсинки – впрочем, летчики немного ошиблись и сбросили бомбы на рабочие кварталы. В буржуазных кругах разразилась истерия, крики, что Советский Союз намеренно устроил эту провокацию, чтобы вторгнуться в Финляндию, и даже якобы обнаружили место юго-восточнее Майнилы, откуда стреляли советские артиллеристы. В эту оголтелую ложь завравшегося Запада никто, разумеется, не верил. Войскам объявили, что СССР совершает освободительный поход в Финляндию, чтобы помочь рабочим и крестьянам скинуть гнет помещиков и капиталистов. На всем протяжении границы начались бои. Самый ожесточенный характер они приобрели на Карельском перешейке между Ладогой и Финским заливом, где на Выборг наступала 7-я армия командарма 2-го ранга Яковлева. Неприятности начались практически сразу. Войска завязли в непроходимых карельских лесах и болотах. Армия «Перешеек» под командованием Хуго Эстермана стояла, как влитая, отбивая атаки вчетверо превосходящих советских войск. Недостатки в планировании операции вылезли наружу. Инженерная разведка отсутствовала. Описания укреплений были даны лишь поверхностно, места расположения огневых точек зачастую оказывались неверными. Сведения о противотанковых заграждениях тоже носили недостоверный характер. Танки «Т-26» и «Т-28» упирались в гранитные надолбы, проваливались в рвы и эскарпы, где их добивали из противотанковых ружей. Советская артиллерия била по площадям, а не по конкретным целям. Разведка перед войной ничего не выяснила, советское командование имело лишь отрывочные агентурные сведения о полосах укреплений. Войска оказались не готовы к преодолению полосы дотов и дзотов, несли потери. Отсутствовала дальнобойная артиллерия для уничтожения бетонных огневых точек. Характер местности тоже работал на противника. Безбрежные лесные массивы, реки, озера с болотистыми берегами, каменистые гряды, скалы, малое количество дорог, пригодных для прохождения тяжелой техники. Все эти обстоятельства позволяли малыми силами наладить эффективную оборону. Лобовой удар не дал результата. Войска продвигались непозволительно медленно. К 12 декабря части 7-й армии с трудом преодолели полосу обеспечения – участок местности перед главной линией обороны. А этих линий было три – главная, промежуточная и вспомогательная. Силы таяли, организация наступления была отвратительной. Но командование требовало идти вперед. Финны применяли тактику партизанской войны – летучие отряды лыжников нападали на колонны, уничтожали технику, убивали красноармейцев, после чего отходили на свои базы в лесах. Воевать в лесистой местности Красная Армия не могла, действовала только вдоль дорог. Дороги минировались, повсюду действовали снайперы, успешно сокращая личный состав советских подразделений. Наступ-

ление стопорилось, солдаты тысячами умирали от ран и обморожений – их униформа не была рассчитана на затяжные действия в зимний период...

Приказ захватить Путоярве и господствующую над ним высоту полк Уматов получил четыре дня назад. Часть располагала двумя дивизионами полевых орудий, минометной батареей. Артподготовка велась не меньше часа. Потом последовала атака в лоб, которую финны без усилий отбили. Атакующие шеренги даже не дошли до колючей проволоки, плотный огонь прибил их к земле, после чего разрозненные группы покатались обратно. На поле сражения остались сорок трупов и больше семидесяти раненых. Финны снисходительно разрешили их забрать – при условии, что красноармейцы будут без оружия. Угрюмые солдаты похоронной команды грузили в сани тела, отдельно вывозили раненых, а с финских позиций долетали веселые шутки и обидные оскорбления. Попытка зайти с фланга тоже не увенчалась успехом. Рота красноармейцев отправилась в обход укрепрайона, прикрывающего Путоярве, и увязла в ельнике. Солдат разбросало, а выйдя на открытую местность, они попали под шквальный пулеметный огонь и были вынуждены отступить обратно в бор. А там работали снайперы, рота снова попала под обстрел. Финские стрелки, сливаясь с местностью, методично выбивали солдат. Единственная дорога в расположении – через замерзшее озеро – тоже не стала спасением. Красноармейцы спрыгивали с обрыва на лед, где и становились идеальными мишенями, на которых снайперы оттачивали свое мастерство. Уцелевшие бросались обратно под обрыв, прятались, кто как мог. Спас потрепанную роту пулеметный взвод, отправленный во фланг комбатом Раевским. Бойцы притянули на санях станковые «максимы», развернули их на южном берегу озера и подвергли дальний лес массированному обстрелу. Финские снайперы падали с деревьев, как шишки. Рота противника сконцентрировалась на опушке, чтобы добить прижатых к берегу красноармейцев. Пулеметный огонь загнал их в лес, финны отступили, а остаткам роты погибшего лейтенанта Скрыбина удалось со второй попытки переправиться через озеро. Наступление застопорилось. Полковник Уматов выпрашивал у командования боеприпасы – полк не может штурмовать высоту, не проведя артподготовку! Начальство неизменно отвечало, что в полку достаточно артиллерийских стволов, и если через день высота не будет взята, последуют оргвыводы – вплоть до расформирования части и отдачи ее командиров под трибунал. В полку действительно хватало орудий, но боеприпасов оставалось на десять минут ведения огня...

Палатка на дне оврага могла укрыть только от снегопада. От морозов, особенно ночных, будучи обычным куском брезента, она не защищала. Интендантские службы работали из рук вон скверно – не хватало даже таких палаток. Командир разведывательной роты капитан Покровский где-то добыл несколько буржеек, раздал их бойцам, и теперь они считались привилегированным сословием – особые условия быта, теплая одежда. Буржуйка поглощала дрова, как какая-то голодная бестия, согревала пространство только в метре от себя, и подкармливать ее приходилось круглосуточно. Впрочем, недостатка в растопке в карельских лесах не было – топили поленьями, ветками, корягами, корнями. Ветхий брезент постоянно рвался, приходилось его заштопывать... Холод в организме поселился капитально, он всегда был там – то больше, то меньше. Иногда про холод забывали, иногда он назойливо напоминал о себе. Мечников вообще забыл, когда последний раз раздевался. Мылись снегом, холодной озерной водой, добытой из полыньи...

Он очнулся в десять утра. Полом в землянке служили доски, кроватями – худые матрасы из ближайшей деревни, брошенной жителями. Большой популярностью в качестве одеял пользовался лапник. По ногам распространялось блаженное тепло – валенки лежали чуть ли не в печке и уже дымились! У буржуйки священнодействовал красноармеец Лузин – смекалистый сельский паренек из тамбовской глубинки, мобилизованный в армию полтора года назад.

Он яростно ворошил дрова ржавым напильником, заменяющим кочергу, из печки вырывался сноп искр.

– Ноги подтяните, товарищ старший лейтенант, – проворчал красноармеец, утирая испачканное продолговатое лицо, – а то стогорите, как Жанна д'Арк... Лучше вставайте, хватит уже спать. В баке вода – она не очень холодная, я туда чуток кипятка слил.

– Где народ? – Никита сполз с лежанки. На часах почти десять, вряд ли он проспал победоносное завершение войны.

– Завтрак, политинформация... – меланхолично пробубнил Лузин.

– А ты, стало быть, сытый и все знаешь...

– Так точно, товарищ старший лейтенант... – Красноармеец старательно размазал сажу по физиономии и отправился за чурками к порогу.

Мечников сполоснул лицо, привел в порядок многослойные одежды и выбрался наружу. На дне оврага в двухстах метрах от опушки разместились еще четыре палатки. У соседей тоже вырывался дымок. Жестянка дымохода располагалась горизонтально, и палатка напоминала газующую машину. Никита вылез из ложбины по вырубленным в откосе ступеням. Утро было мрачное, плыли низкие тучи. Порывы ветра теребили макушки пышных елей. Хвойный лес был смешанный – сосны, ели, молодые лиственницы. Деревья росли нечасто, подлесок практически отсутствовал. За спиной пролежала проселочная дорога, которую периодически чистили солдаты лопатами – по ней увозили в тыл раненых, изредка доставляли цинки с патронами. Там же под обрывом пряталось озеро, откуда приносили воду. Лес гудел, жил размеренной армейской жизнью. Местность гуляла волнами, ровные лесистые участки чередовались оврагами. На востоке расположение полка замыкала каменистая гряда, на вершинах которой сидели наблюдатели. В соседнем овраге дымила полевая кухня – там собралась толпа в буденновских шлемах и серых шинелях. меховые шапки-ушанки в армии только вводили, и в действующие части они почти не поступали. У финнов все поголовно носили ушанки. Суконные острокопечные шлемы совсем не грели, а когда боковые части отгибались вниз, закрывая затылок и щеки, головной убор и вовсе превращался в тряпочку. В некоторых частях выдавали башлыки – островерхие суконные капюшоны от непогоды – но это тоже было редкостью. Валенки в частях отсутствовали, довольствовались теплыми портянками. Вместо меховых рукавиц выдавали трикотажные. Полушубки и овчинные бекеши получали только офицеры – и то не все. В тылу полка расположился полевой госпиталь под брезентовым навесом – там было относительно тепло, и народу, как селедок в бочке, большинство с обморожениями...

Но жизнь продолжалась. Солдаты сидели на краю лощины, жадно ели из алюминиевых котелков. В соседнем овраге для тех, кто уже принял пищу, старший политрук Томский проводил политинформацию: вновь зачитывал вызубренный до дыр приказ по войскам Ленинградского округа, подписанный Мерецковым и Ждановым. Каждый солдат, до последнего конвода, знал, что Красная Армия идет в Финляндию не как завоеватель и поработитель – а как друг и освободитель финского народа от гнета помещиков и капиталистов! Советский Союз выступает не против финнов, а против финского правительства, угнетающего народ и спровоцировавшего войну с СССР. Социалистическое государство уважает свободу и независимость Финляндии, полученную финским народом в результате Великой Октябрьской революции и победы Советской власти!

В лесу горели костры, грелись солдаты, свободные от боевого дежурства, кипятили воду в котелках. Гудели на холостом ходу танковые моторы. Между машинами сновали механики в засаленных фуфайках. К полку были приписаны две танковые роты – шесть легких «Т-26» с танковыми пулеметами Дегтярева и полуавтоматическими нарезными пушками, а также четыре 25-тонных трехбашенных «Т-28», относящихся к категории средних танков. Изначально бронированной техники было больше – за последнюю неделю полк потерял четыре машины.

Прихрамывая, подошел Карабаш. После «ночного» он заметно сдал – лицо посерело, осунулось. Он постоянно ковырялся в ухе – мина взорвалась слишком близко.

– Выглядишь так себе, Семен, – подметил Мечников. – Не успело утро настать, а уже устал, как собака? В бою ты смотрелся лучше.

– Так в бою мы все орлы, товарищ старший лейтенант, – стал оправдываться красноармеец. – А стоит выйти из боя, как все болячки наружу. Шибануло вчера в башку взрывной волной. Теперь с ухом проблемы – тут слышу, тут не слышу...

– Главное, чтобы приказы слышал, – проворчал Никита. – Где личный состав?

– Кто где, – пожал плечами Карабаш. – Капитан Покровский спать разрешил – в качестве награды за ночной труд. Иванченко и Данилов дрыхнут у себя в палатке. Я вот проснулся, маюсь, как привидение... Остальным политинформацию читают. А кто усвоил, уже на завтраке...

– Стемнеет, пока они позавтракают, – буркнул взводный. – Развели, понимаешь, вольницу... Ладно, передай всем – через двадцать минут построение в овраге.

Карабаш ушел, подволакивая ногу. Никита покосился на полевую кухню – нужно успеть позавтракать.

– Товарищ старший лейтенант Мечников? – подлетел к нему жилистый лейтенант в затертой кожаной куртке, увешанной подсумками. – Лейтенант Минин, офицер по поручениям полковника Уматова.

– Знаю, лейтенант, кто ты такой, – ответил Никита. Предыдущего порученца лейтенанта Астафьева убили на прошлой неделе. Дофорсился, возомнил о своей бессмертности и решил сократить дорожку между подразделениями – вместо оврага отправился сосняком, где и был застрелен снайпером с соседней сопки.

– Вас товарищ полковник вызывает, – сообщил порученец, небрежно отдал честь и побежал греться к ближайшему костру. Мечников вздохнул, с сожалением покосился на еще дымящуюся полевую кухню...

– Разрешите, товарищ полковник? – Старший лейтенант отогнул край палатки, дождался снисходительного «да, прошу», вошел внутрь. В палатке командира полка потрескивала печка, было тепло и даже жарко. Трое офицеров оторвались от карты, пристально на него воззрились. – Командир разведвзвода старший лейтенант Мечников по вашему приказанию прибыл, – козырнул Никита.

– Проходи, старлей, – протянул руку полковник Уматов. Ему было основательно за сорок, подтянутый, темноволосый, но уже с налетом седины, кадровый военный, когда-то окончивший Ленинградское Краснознаменное пехотное училище. – Так вот ты какой, старший лейтенант Мечников... – Он отстранился и еще раз смерил взглядом приглашенного.

Протянул руку приземистый начштаба майор Суслов, за ним, поколебавшись, сделал то же самое полковой комиссар Решетов – мрачноватый, с крупными залысинами, известный своим непредсказуемым характером и умением сочетать громовые маты с лозунгами Коммунистической партии.

– Наслышаны о твоих ночных похождениях, старший лейтенант, молодец! – похвалил Уматов. – Действовал на грани, отчаянно рисковал, но с задачей справился и доставил ценного «языка». Будем ходатайствовать перед командованием о твоём представлении к правительственной награде.

– Служу Советскому Союзу!

– Вот именно так и служи, – кивнул комполка. – Субъект, которого ты доставил, Мечников, – командир специальной егерской роты Реймо Киймаа, уроженец Хельсинки, в начале тридцатых служил в армии, демобилизовался в звании младшего командира, потом получил гражданскую специальность – по профессии он инженер, имеет семью, двух детей. Два года

назад вернулся в армию, прошел специальную офицерскую подготовку... В общем, я к тому, что умирать за буржуазное финское правительство ему нет резона, и он не собирается это делать, надеется на скорое освобождение после нашей победы. В этой связи он ничего не скрывает, поет, как соловей. К сожалению, комсоставу его уровня доверяют не все военные секреты...

– Майора надо было брать, – усмехнулся полковой комиссар, – или полковника.

– Виноват! – Никита вытянулся по швам. – Что было, как говорится...

– Да ладно, – отмахнулся полковник, – Александр Евдокимович шутит. В общем, согласно полученным от пленного сведениям, в зоне действия нашего полка находится батальон финской армии. Их человек триста – это две роты, крупнокалиберные пулеметы, стрелковое оружие, батарея минометов. Ни танков, ни орудий у них нет. Все имеющиеся пулеметы выставлены на прямую наводку. Фланги прикрывают «летучие отряды» лыжников – у них снайперские винтовки, автоматы «Суоми» и легкие пулеметы. Недостаток живой силы финны компенсируют хитростью и уловками. Что такое их фланги, мы уже знаем... – Полковник смущенно кашлянул и продолжил: – В соседнем полку позавчера тоже случилась некрасивая история. Две роты решили обойти минное поле, нарвались на лыжников, вступили в перестрелку. Финны стали отступать, ну, эти недотепы и кинулись за ними. В итоге оказались в болоте. Лед треснул, началась паника. Тут по ним и ударили с трех сторон... Потеряли больше сорока бойцов, хорошо, хоть кто-то выжил...

– И это только полоса обеспечения перед главной линией обороны, – произнес начштаба Суслов. – Дальше – так называемая линия Маннергейма, о которой мы имеем лишь отрывочные сведения. А приказ командования никто не отменял: только вперед, и чтобы через неделю 7-я армия была в Выборге. Или в Виипури, как его называют финны...

– К черту Виипури! – поморщился полковой комиссар. – Это наш исконный город Выборг, на который буржуазная Финляндия не имеет никаких прав.

– Долгое вступление, Мечников, чтобы ты вник в оперативную ситуацию, – ровным голосом проговорил Уматов. – Подкреплений нет и не будет, надо действовать своими силами. В километре от высоты – городок Путоярве. Никаких резервов там нет, позавчера оттуда переправили два последних зенитных орудия и установили на флангах для борьбы с нашими танками. Атаку в лоб мы уже проходили, теперь надо действовать тоньше и продуманнее. Из полутора тысяч личного состава у нас осталось тысяча двести – и это еще ничего, у соседей и того меньше. Мы имеем десяток танков, минометы, орудия...

– Не забывайте о нехватке снарядов, товарищ полковник, – проворчал Суслов. – Через несколько минут ведения огня орудия превратятся в красивое оформление наших позиций.

– Вы еще умудряетесь шутить, Николай Федорович, – раздраженно отмахнулся комполка. – Чертовы снабженцы, мышей не ловят, не понимаю, почему не подвозят боеприпасы...

– Да везли уж, – вздохнул начштаба. – Вчера колонна с минами и горюче-смазочными материалами под Тепийоки попала в засаду. А это, между прочим, наш глубокий тыл. Финны применяют партизанскую тактику. Их отряды сидят в лесах, куда нам не забраться, там у них оборудованные базы, все условия. Резко налетели, подорвали несколько машин, остальные забросали бутылками с зажигательной смесью и убрались обратно в лес. Пытались их преследовать, да только людей напрасно положили...

– Ладно, – насупился Уматов. – Наступление должно продолжаться, какую бы цену мы за это ни платили. В Путоярве финских войск нет, но остались мирные жители – те, что отказались уходить в тыл. Севернее города – сплошные хвойные леса и лишь одна дорога на Кохтлу, которая уже является частью главной оборонительной линии. Понимаю, старший лейтенант, что ты устал после вчерашнего, но придется снова потрудиться. Потом отдохнем. Только ты и твои люди побывали на позициях противника, знаете, что там, – хотя бы отрывочно. Получай приказ: силами своего взвода провести разведку, выявить слабые стороны противника на

нашем участке. Прощупать фланги – не поверю, что там отсутствуют слабые места. Капитан Киймаа нарисовал схему укреплений со всеми огневыми точками. Но финны не дураки, верно? Знают, что офицер попал в плен и мы все из него вытянем. Они уже перегруппировали свои силы, и накрыть их минометами мы не можем. Ваша задача – выявить огневые точки, способные нанести наибольший урон. По ним и ударим артиллерией, после чего пехота пробьется к первой линии обороны. А если закрепимся на ней, дальше – легче. Ты грамотный военный, старлей, справишься малыми силами. У тебя в запасе не больше трех часов. К вечеру высота и Путоярве должны быть взяты – пусть даже нам всем придется тут лечь костями...

В горле неприятно заскребло. Паршивый холодок заструился по спине.

– Я понял, товарищ полковник. Разрешите выполнять?

– Подожди, Мечников, – встрепнулся Уматов, – скорбный лик не делай – не на смерть идешь. Мне ваши трупы не нужны – от них ни жарко ни холодно. Прояви смекалку, сделай все, как надо. И пойми, что от тебя зависит многое. Сколько человек у тебя во взводе?

– Восемнадцать, товарищ полковник... Было больше, мы потеряли семерых.

– Этого хватит. Не числом, как говорится, а умением. А люди у тебя что надо, каждый десятка стоит... Да, и еще. Мы считаем, что это очередная уловка финнов, но все же... Дозорные посты на скалах и на опушке наблюдают отсутствие активности противника на переднем крае.

– Нельзя ли подробнее, товарищ полковник?

– Пусто там, – усмехнулся начштаба. – Никто не мелькает, не бряцает оружием, нет дыма от костров. Обычно мы видим хоть какую-то активность, а сегодня с раннего утра – ничего. Мы считаем, что это примитивная хитрость – вроде как поняли, что Киймаа все разболтает, и поспешили уйти, выровнять, так сказать, линию фронта. А сами по-прежнему там, соблюдают режим тишины, все у них готово к бою, и стоит полку двинуться вперед, размажут в лепешку...

– Да, это похоже на очередной изворот, – задумчиво пробормотал Мечников. – С чего бы им уходить с позиций, на которых они чувствуют себя королями? Я все выясню, товарищ полковник. Разрешите идти?

Никита исподлобья поглядывал на своих солдат, выстроившихся в логу. Восемнадцать душ, вместе с ним – девятнадцать. Большинство – обстрелянные, и не только по текущей финской кампании, кто-то воевал на Хасане, другие на Халхин-Голе. Были и молодые – те же Данилов, Тимашевский – пусть и не бывавшие в бою до ноября 39-го, но обладавшие нужными качествами. Мечников ходил вдоль строя, всматривался в обветренные лица. Привилегированная публика, надо же – валенки, овчинные фуфайки под маскхалатами, меховые рукавицы, ушанки с белыми отворотами, позаимствованные у мертвых финских «коллег». На шапках – звездочки, а не финский лев, размахивающий мечом. У всех автоматическое оружие, ножи, в подсумках гранаты и запасные магазины. Экипированы так, что любой красноармеец от зависти сдохнет. Впрочем, на этом «привилегия» заканчивалась. Право умирать – такое же, как у всех. Сон, еда, элементарный отдых – урывками и не каждые сутки. Ответственность – дикая, зачастую только данными, полученными полковой разведкой, и ориентировалось командование, посылая части в бой.

Он ставил задачу внятно и лаконично. Первое отделение – на левом фланге, второе – на правом. Поле преодолевать ползком, и ему плевать, что холодно, и все такое. Никто ведь не рассчитывал, что зима будет теплой и без снега? Постоянно держать визуальный контакт, общаться жестами, под пули и снаряды не лезть, но огневые точки выявить. Будут финны молчать – это не повод встать в полный рост и с песней зашагать заре навстречу. Их уже неоднократно оставляли в дураках, пора начинать умнеть. Есть вопросы? Мечников поедал глазами своих парней, пытался понять, что у них под шапками. Под внешней невозмутимостью таилась буря эмоций. Но разведчики держали себя в руках. Практически все – комсомолы,

трое – члены ВКП(б). Сильные, выносливые, не паникеры. Не взвод, а готовый Интернационал. Удмурт Александров (с ударением на «о»), таджик Камбаров, татарин Анкутдинов, хохлы Гурмаш и Тарасенко, белорус Корович, еврей Латкин (бросил учебу в институте, пошел в военкомат – наперекор родителям, крупным светилам из научной среды)... Сколько их еще погибнет, пока Красная Армия пройдет три линии проклятой финской обороны?

– Виноградов, Кочергин, все понятно?

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – вразнобой отозвались рослые командиры отделений. – У Абызова кашель какой-то нехороший, – добавил Кочергин, – утром рвало с мокротой.

Никита мрачно уставился на упомянутого бойца. Тот сглатывал, загонял внутрь назревающий недуг, но глаза слезились, и лицо было бледнее обычного.

– Нехороший, говоришь? Что нужно сделать, чтобы стал хорошим?

– Да все в порядке, товарищ старший лейтенант, – смущенно выдавил Абызов, ушастый крепыш, работавший до войны инструктором в подмосковном спортивном клубе. – Подпростыл немного, продуло. Кашель как кашель, у всех такой. Температуры нет, на ногах стою. Если позволите, сбегая в санчасть, наберу таблеток. Все будет отлично, не волнуйтесь.

– Ты уверен, Абызов?

– Конечно, товарищ старший лейтенант. Вернемся – разберусь с простудой. Мы же ненадолго, нет? – Абызов вдруг побагровел, насилу сдерживая рвущийся из груди кашель.

Мечников вздохнул, отвернулся. Каждый человек на счету, приходится делать вид, что ничего не замечаешь...

На флангах ландшафт был сложный – овраги полосовали ровные участки местности. Неглубокие, фактически трещины в земле, наполовину заваленные снегом. Разведчики перебирались, растянувшись рваными цепочками. Мечников шел на левом фланге с отделением Виноградова. Кочергин на другой стороне действовал самостоятельно. Командиров отделений Никита назначил из состава красноармейцев. Со званиями «отделенный командир» и «младший комвзвода» никого не осталось. Старшина Сидоркин погиб четыре дня назад от пули снайпера. Никита месил тяжелый снег, старался не высовываться. За спиной сопел Виноградов – двадцатитрехлетний парень из Ярославля, молодой, а уже женатый, даже папа. Местность сгладилась. Виноградов передал по цепочке, чтобы все встали, соблюдая осторожность. Мечников выполз на косогор, стал разглядывать в бинокль знакомую местность. За спиной остался лес, слева озеро, подернутое тонким слоем льда, дальше непролазный ельник с буреломом. Природа сильно постаралась, чтобы прикрыть фланг финской группировки. Протяженный склон возвышенности, у которой полк Уматова мялся уже четыре дня. Километр до переднего края, чуть больше – во фланг, до северо-восточной оконечности склона. Там работали бойцы второго отделения. Кто-то также припал к биноклю, разглядывал окрестности. Кажется, он узнал Кочергина. По отделению разведчиков никто не стрелял. Отделение Виноградова тоже не подвергалось обстрелу – и это было несколько странно. Вражеские позиции на гребне холма хранили молчание. Ночью шел снег, припорошил изрытое воронками пространство, противотанковые надолбы, передний край, напичканный огневыми средствами... Никита всматривался и начинал испытывать некоторое недоумение. Да, это могло быть военной хитростью... Складывалось впечатление, что на позициях никого нет. Он скользил взглядом по амбразурам, по вынесенным за пределы траншеи пулеметным гнездам и засек ячейку с вздыбленными бревнами наката – через нее группа разведчиков проникла ночью к противнику. Воронки перед бруствером, присыпанные снежком, вздыбленные рогадки, надолбы. Касок финских солдат над косогором нет. На правом фланге виднелся ствол зенитной пушки – он был направлен под углом к горизонту и вряд ли представлял угрозу. Никаких замаскированных гнезд, пулеметных стволов...

Мечников поднял руку, чтобы привлечь внимание наблюдателя на другой стороне поля. Тот замер, тоже вскинул руку. Никита махнул – наблюдатель кивнул в ответ. Обе группы пришли в движение. Разведчики покинули канаву, разбежались. На отдельных участках они ползли, на других перебежали, разворачиваясь цепью. Позиции молчали. Обе группы сошлись у трехметрового прохода – здесь имелись ориентиры в виде каменных глыб. Слева и справа – заминированные участки, дальше – противотанковые и противопехотные препятствия. Рядовые Машковский и Дробыч лежали в тылу, держа вражеские амбразуры в прицелах ручных пулеметов, остальные перебежали по одному и по двое. Все делали быстро, не маячили подолгу в полный рост. Несколько человек свалились в воронку перед бруствером (здесь давеча накрыло финнов, но трупов уже не было) и, пока подтягивались пулеметчики, прикрывали товарищей, растянувшихся перед бруствером.

– Передать по цепи: вперед ползком! – скомандовал Мечников. – Гранаты к бою, забросать траншеи! Да не мимо, мужики, – только в траншею!

Бойцы вылезли на склон, привстали, швырнули гранаты за бруствер и упали, закрывая головы. Меры предосторожности оказались напрасными. Траншею накрыло волной разрывов, катились бревна наката, сыпалась земля, но ответных действий не последовало. Там же нет никого! – закрепились в сознании мысль. Разведчики перекатились в траншею – не все сразу, по очереди. Их встретила опустевшая оборонительная линия, финны ушли – по крайней мере, из этой траншеи. Валялись обертки из-под еды, консервные банки, окровавленные бинты, какая-то рваная одежда. Валялся никому не нужный пулемет с заклинившим затвором. Разведчики опустились на дно траншеи, отпуская недоуменные замечания. В окружающем пространстве все было тихо. Возвышались деревянно-земляные огневые точки, бетонное сооружение в стороне, тот самый сортир, на выходе из которого прибрали ночью финского капитана. От главной ветки обороны уходили в глубину территории ходы сообщения.

– Кочергин, проверить траншеи и дзоты! – крикнул Никита. – Виноградов, твои люди остаются на месте, прикрывают бойцов Кочергина! Проявлять осторожность, здесь могут быть мины и растяжки!

За несколько минут все траншеи и прилегающие территории были осмотрены. Потом пошло отделение Виноградова, пройдя вперед, бойцы залегли у подножия северного склона высоты. Солдаты осматривали дзоты, отхожие места, походную столовую в яме, где были установлены лавки и несколько столов. Меры предосторожности, впрочем, оказались нелишними. Мощное взрывное устройство сработало у входа в бетонное строение, окрещенное разведчиками (возможно, безосновательно) офицерским бункером. Что-то щелкнуло внутри, когда рядовой Иванченко потянул на себя стальную дверь. Он среагировал мгновенно, покатился в ближайший приямок, крича дурным голосом: «Ложись!» Залечь успели все, кто находился поблизости. Взрыв был ужасен. Бетонная конструкция лопнула, как мыльный пузырь, разлетались куски бетона, столб огня вырвался из съехавшей крыши, мгновенно угас, но повалил зловонный дым. Никита, источая проклятья, побежал по траншее, заорал: все ли целы? Оглушенные разведчики отзывались вразнобой. Сдвинулся огрызок низкокачественного бетона, накрывший приямок, высунулась чумазая физиономия Иванченко:

– Виноват, товарищ старший лейтенант, так внезапно получилось... Но все ведь хорошо, что хорошо кончается, верно? – Он разогнул спину – маскхалат был порван, ушанку сдуло, всклокоченные волосы торчали дыбом.

– Молодец, Иванченко, – сказал рядовой Максимов под дружный гогот, – был гадкий утенок, а смотри, какой гусь получился.

Люди выбрались из траншей, встали в полный рост. На севере метров на семьсот простиралось открытое пространство. Мерцал просвет между густыми ельниками. В просвете – городок Путоярве. Прибежал красноармеец Корович, доложил, что от подножия высоты в сторону просвета уходит дорога. Она истоптана – по ней шли люди в большом количестве, пере-

мещалась автомобильная техника. Стало окончательно ясно: финны ушли, бросили позиции. Почему они это сделали, вопрос другой, но факт остается фактом. Что-то здесь не так. Мечников отправил трех человек осмотреть дорогу. Они вернулись через четверть часа, отчитались: в направлении ельников с дороги никто не сходил. В водостоках глубокий снег, тоже нетронут. И так – на добрые пятьсот метров. Сомнительно, что в чаще крупная группировка, способная нанести урон полку. Финнам это невыгодно – несколько оружейных залпов по лесу, и там не останется никого. Но прочесать эти массивы придется...

Уже не прячась, разведчики забрались на бруствер, замахали руками. Сигнал был более чем понятен. За всеми их действиями пристально наблюдали командирские бинокли и стереотрубы! На дальней опушке бойцы активизировались, стало темно от красноармейских шинелей и буденовок. Солдаты поспешно строились в колонны, начинали движение. Из кустов выехали танки, устремились через поле. Уцелевшие тягачи тащили артиллерийские орудия. Впереди колонны бежали радостные офицеры. Спohватившись, разведчики кинулись им навстречу, чтобы вся толпа на радостях не оказалась на минном поле...

Глава 3

Финские части действительно ушли. Не встречая сопротивления, полк занял брошенные позиции, устремился к городку. Саперы проводили разминирование. Две роты, увязая в снегу, прочесали ельники, где могла скрываться засада. Вскоре ротные отапортовали: в лесах противника нет, даже завалившего снайпера! Танки с ревом взбирались на бруствер, утюжили траншеи, дзоты, где имелись необследованные подземные пространства, расстреливали из танковых пушек, создавая завалы. Техника и люди устремились к Путоярве...

Городок был небольшой – по сути, крупная деревня. Двухэтажные гранитные дома, замысловатое переплетение улочек, несколько мелких промышленных предприятий. Часть жителей ушла с финнами, другая осталась. Солдаты с опаской входили на очищенные от снега улицы, прижимались к стенам. Танки вырвались вперед, устремились к центру городка. Часть их осталась на центральной площади у здания городского управления, остальные ушли к северной окраине. Через час красноармейцы взяли под контроль все улицы и переулки, оборудовали временные посты. Два взвода закрепились на северной окраине, оседлали дорогу, убегающую в леса. Началась зачистка зданий, немногочисленным мирным жителям давали десять минут на сборы, после чего под конвоем отправляли с чемоданами и баулами в здание местной школы. Штаб полка разместился в мэрии. Саперы осмотрели помещения, доложили об отсутствии мин и ловушек. Все это выглядело странно. По мере зачистки города не случилось ни одного огневого инцидента. Полковник Уматов не скрывал радости – он занял населенный пункт, опередив соседей на флангах, при этом никого не потерял. Часть оставалась боеспособной, функционировали все подразделения, в наличии имелась бронетехника и артиллерийские батареи. Он сразу отправил донесение в штаб дивизии. Оттуда доложили в штаб 7-й армии. Остаток дня – на отдых, распорядились в верхах. Пусть солдаты отдохнут, согреются. Выставить дозорное охранение, чтобы пресечь вылазки противника. К вечеру прибудет колонна с горючим и боеприпасами – создать все условия для ее безопасного прохода. Тщательно изучить местность севернее Путоярве. Утром – выступать всеми силами, пробиваться к Кохтле! Если полк Уматова первым выйдет на рубеж главной линии обороны, то ничего страшного – соседи защитят от фланговых охватов неприятеля.

– Отдыхай со своими людьми, Мечников, – великодушно разрешил капитан Покровский, – в разведку пойдут взводы Лозового и Овчинникова. Подберите себе домик рядом с управой, там и заночуете.

Это было что-то невероятное! Давно отвыкли, не могли поверить, что на войне такое возможно! «Домик» хозяйственный Кочергин выбрал двухэтажный, сложенный из просмоленных бревен. В помещениях было чисто, стояла добротная деревянная мебель, повсюду – скатерти, вышитые полотенца в виде украшений, тарелочки на стенах, старые семейные фотографии. Дом казался заброшенным, но внутри было тепло, печная труба еще не остыла. Разведчики топтали чистый пол, недоверчиво осматривали комнаты.

– Товарищ старший лейтенант, здесь в пристройке финская баня есть! – восторженно воскликнул Карабаш. – И дров до этой самой матери! Разрешите помыться? Мы по очереди, быстро!

– Баня-то, естественно, финская, – ухмылялся Никита, – откуда здесь взяться русской? Отставить, бойцы, дождемся вечера, там разберемся с ситуацией. Лучше печку растопи, Карабаш.

– Товарищ старший лейтенант, здесь люди! – прокричал сверху Тимашевский. – Они вроде мирные – женщины, дети!

Никита поднялся на второй этаж, держась за обструганные перила. Наличие мужской руки в доме не ощущалось, но когда-то рука явно была, причем весьма хозяйственная... Люди

сидели в дальней комнате – испуганные, потерянные, прижимались друг к другу. Все четверо были в кофтах, валенках – как будто уже собрались в дорогу. Статная белокурая женщина лет тридцати обнимала двух маленьких детей – мальчика и девочку. Девочка шмыгала носом, прятала взгляд больших голубых глазенок. Мальчишка смотрел волчком, что не мешало трястись от страха. Четвертой была пожилая женщина в сером платочке – опрятно одетая, в кофте с вышитым рисунком, в плотной шерстяной юбке. Она недавно плакала, сморщенные пальцы тербели платочек. Никита махнул Тимашевскому и Анкутдинову: опустить оружие, в кого стрелять собрались? И вообще, валите отсюда, не пугайте мирных финских граждан! Разведчики пожали плечами и удалились. Молодая женщина поела его глазами с такой пронзительной мольбой, что он даже почувствовал какую-то странную неловкость. В самом деле, явились без предупреждения, натоптали тут...

– Вы здесь живете? – спросил Никита. Знаний, полученных в мирное время, вполне хватало для ведения бесед на бытовом уровне. Женщина энергично закивала, еще сильнее прижала к себе детей. – Тогда всяческие извинения за визит. Не наша вина, военное время. Пустите на ночлег? Утром мы уйдем, вам не следует волноваться. Это ваши дети и ваша мать?

Она стала бормотать, глотая слова, заикаясь. Да, это ее дом, ее зовут Айна Нумми, она работала в швейной мастерской, пока та не закрылась. Это ее дети, Ирика и Армас. А пожилую женщину зовут Маритта, она мать ее мужа Хенрикки. А сам муж Хенрикки сейчас отсутствует, поскольку он... На этом месте светлоглазая барышня смутилась, скомкала свою невнятную речь, стала неудержимо бледнеть.

– Где ваш муж, сударыня? – мягко поинтересовался Никита.

Женщина вымучила что-то бессвязное о срочных делах по коммерческой линии, мол, муж ее убыл в Хельсинки, чтобы провести переговоры с партнерами, работающими на фабрике народного промысла... У Айны было такое лицо, что даже стало жалко ее. Коню понятно, что ненаглядный Хенрикки сейчас в армии, доблестно сражается с советскими «оккупантами», если еще не погиб.

– Понимаю, сударыня, – улыбнулся Никита. – Прекращайте волноваться, все хорошо, советские солдаты вас не обидят. Спускайтесь вниз, будьте, как дома, гм... Что ж вы не уехали, Айна, когда все уезжали?

Тут пожилая женщина поднялась, и он все понял. Она с трудом ходила, левая нога превратилась в негнущуюся кость. Никита помог ей спуститься. Обнаружив в собственном доме кучу чужих ухмыляющихся солдат, Айна снова задрожала, стала кутаться в шерстяной платок. Захныкала ребятня.

– О, да здесь еще и прекрасное дамское общество, – осклабилась бывший ловелас и гармонист ансамбля песни и пляски рядовой Максимов. – Что ж вы сразу не сказали, товарищ старший лейтенант? А чего они спрятались, будто к людоедам в гости попали?

– Так, разбежались! – приказал Мечников. – И нечего тарашиться, словно вы и впрямь людоеды. Женщины и дети находятся в своем доме, вот пусть и занимаются своими домашними делами. Айна, не смущайтесь, представьте, что нас здесь нет.

Минут через пятнадцать в дом решительно вошел уже знакомый лейтенант Минин – офицер по поручениям. За спиной офицера мялись солдаты, с любопытством заглядывая внутрь.

– Вы опоздали, лейтенант, – насупился Никита. – Дом уже занят, топайте дальше.

– Прошу прощения, товарищ старший лейтенант, – по-уставному козырнул Минин. – Мы по другому делу, выполняем распоряжение полкового комиссара Решетова, который, в свою очередь, исполняет приказ начальника особого отдела дивизии. К сожалению, не хватает людей, сотрудники НКВД в этот город еще не вошли. Получен сигнал от соседей, которых уже отправили на сборный пункт, что в этом доме остались гражданские... – Он вытянул шею, обнаружил в комнате жмущихся друг к другу штатских, и брови его многозначительно поползли вверх, а физиономия приобрела откровенно протокольный характер. – Я так и

думал, – изрек лейтенант. – Сколько их в этом доме, четверо? Заходите, товарищи красноармейцы, – бросил он взгляд через плечо. – Осмотрите дом, не прячется ли кто еще. Гражданам пять минут на сборы, брать с собой только самое необходимое, и чтобы через десять минут вся эта компания была в школе.

– Зачем они вам, Минин? – нахмурившись проговорил Никита. – Обычные мирные люди. Мы же не воюем с женщинами и детьми?

– Товарищ старший лейтенант, где ваша сознательность и четкое понимание момента? – Голос Минина окреп, зазвенел. – Происходит выполнение директивы Главного Военного совета РККА, согласно которой все оставшееся финское население подлежит выселению с занятой советскими войсками территории. Вы об этом не могли не знать. Позвольте выразить нарекание, товарищ старший лейтенант, – почему, обнаружив в доме гражданских, вы не выполнили свой долг и не отправили их куда следует?

– Лейтенант, вы переходите границы! – повысил голос Мечников. – Может, вы меня еще в государственной измене обвините? Выполняйте, что вам положено, но обращайтесь с женщинами и детьми уважительно, не забывайте, что в скором времени они станут такими же советскими гражданами, как и мы с вами! И постарайтесь в следующий раз не проявлять превосходство, которого у вас нет!

Он угрюмо смотрел, как красноармейцы, отягощенные полномочиями, хозяйничают в доме, покрикивают на женщин. Разведчики тоже притихли, посматривали на происходящее без одобрения. Айна закутала детей в теплые одежды, помогла одеться свекрови, подтащила к выходу чемоданы – видимо, заранее собрала, догадывалась, чем чреват приход армии-освободительницы. Никита молчал. Формально эти люди были родственниками их врагов, нареченными советской пропагандой белофиннами, он не имел права давать слабинку и идти на поводу у каких-то чуждых эмоций.

– Не волнуйтесь, Айна, – улучив момент перед тем, как семью вывели наружу, сказал он. – Война закончится, и вы вернетесь в свой дом. То, что происходит сейчас, вызвано военной необходимостью, с этим нужно мириться. Все будет в порядке с вашей семьей, включая вашего мужа... который уехал по делам в Хельсинки. Уверен, Советская власть проявит к нему снисхождение. Через неделю вы с детьми вернетесь в свой дом.

– Спасибо вам, офицер... – Ее голос срывался. – Я знаю, мы должны подчиниться... Пусть это будет Сибирь, лишь бы с детьми ничего страшного не случилось... Присмотрите, чтобы дом остался цел, хорошо? Вы неплохой человек, я умею разбираться в людях... У вас есть совесть... Съешьте все продукты, что остались в доме – куда их? Можете взять с собой, когда будете уходить... Возьмите и одежду, в доме много теплой одежды... Есть баня, но постарайтесь ее не сжечь...

Женщин вывели наружу, заплакали дети, вцепившись в юбку матери.

– Жалеете их, товарищ старший лейтенант? – пробормотал Максимов. – Вроде не должны мы их жалеть. Они бы нас точно не пожалели... А женщина хороша, правда? – лукаво подмигнул боец. – Статная, белокурая, а глаза такие светлые, прям искрятся...

Мечников отдавал распоряжения сквозь зубы: оставить пустопорожний треп, мы пока еще на войне, а не на танцах в парке культуры и отдыха! Виноградов, выставить охрану у калитки, и чтобы менялись каждые два часа. Да не калитку у охраны, а охрану у калитки! Разведчики смеялись, снова поднималось настроение. Никакого мародерства, предупредил Никита. Потом он смиростивился, ладно, можно забрать теплые вещи, носки, варежки, но чтобы при этом никакого беспорядка, мы не НКВД!

Затишьем и послаблением пользовались на всю катушку. Вскрыли погреб с соленьями, отыскивали на кухне другие продукты. Александров и Камбаров чистили картошку, Тарасенко и Лузин таскали воду, растапливали баню, при этом последний бурчал под нос, что не видит, хоть тресни, ни одного березового веника, и пришлось со смехом объяснять, чем финская баня

отличается от русской. Первая, конечно, жалкое подобие последней, но хоть такая. Мылись по очереди, блаженствуя в сухом пару, хлестали из ковша горячую воду на камни, дружно ржали над Латкиным, которому струя огнедышащего воздуха ударила по пяткам, и он с ревом метался по парной. Потом был ужин, Корович как бы в шутку предложил «по маленькой» – вычислил наметанный глаз в подполе стеклянную тару с финской самогонкой. Все с интересом уставились на командира. А у того вдруг защемило в груди. Он смотрел на распаренные благодушные лица и чувствовал, как тоска поднимается к горлу. Кусочек позабытой мирной жизни – а что будет завтра? Снова наступление в нечеловеческих условиях, неразбериха, смерть из-за любого дерева – кто из них выживет? Выживет хоть кто-то?

– По маленькой, – проворчал он. – И боже упаси, если кто-то повторит.

Разведчики рассмеялись, извлекли бутылку с мутным содержимым и пустили по рукам. С учетом восемнадцати страждущих душ, действительно получилось по маленькой. Мечников отказался, быстро поел, быстро помылся. Потом облачился в шерстяное белье из комода на втором этаже – перед этим недоверчиво его осмотрел, обнюхал. Кошки скребли на душе, возник образ белокурой матроны с лучистыми глазами. Финки в общей массе не красавицы, но, видимо, случаются исключения... Никита держал дистанцию, поручив командирам отделений контролировать веселье. Чтобы через час все были в форме, спать одетыми, держа при себе оружие, и не тянуть с отходом ко сну – утром рано вставать! Да не расслабляться, а то какие из вас вояки! Он сидел в натопленной комнате, примыкающей к входной двери, курил в открытую форточку. Из темнеющего неба сыпались пушистые снежинки, за оградой гудели моторы – шли грузовики, тягачи тянули орудия на северную окраину городка.

Мечников вдруг вспомнил свое детство, о котором никогда никому не рассказывал. Перед глазами всплыла картинка: над ним склонялась женщина в шерстяном пальто, на ней была шапка из дорогого меха, горло обмотано пушистым клетчатым шарфом. Она держала его на руках, куда-то быстро несла, плакала, а он уже был не младенец, болтал ногами, чувствовал невыразимый страх, льнул к этой женщине – такой единственной и родной. Никита помнил выстрелы, визг тормозов автомобиля, женщину окружили люди в фуражках и с погонями на плечах. Мелькали деревья, трещали револьверы, женщина, которая его тащила, споткнулась. Никита ревел, прижимался к ней, тряс. Вокруг были люди, был мужчина, упавший на колени, – Никита помнил исходящий от него запах: кожа, грубое сукно, пот. В память врезался истошный крик: «Штабс-капитан, хватит, найдите в себе мужество! Надежда Викторовна мертва, а ваш сын еще жив! Надо уходить, эти сволочи через минуту будут здесь!» Потом опять гремели выстрелы, что-то взрывалось, все вертелось, и маленький мальчик умирал от обуявшего его ужаса. Его ли это воспоминания? Кто были эти люди? Последний всплеск в голове: ночной лес, он бежит, подвывая от страха, вязнет в черном, еще не растаявшем снегу... Много лет спустя он даже боялся об этом думать. Мальчика отдали в детдом, но перед этим была больница, где лежали другие дети, странные плакаты и транспаранты на стенах, командные голоса персонала. Детские воспоминания почти стерлись, осталась лишь упомянутая сцена, не дававшая ему покоя, а еще как мама говорила, что ему шесть лет... Это Никита помнил точно, а все остальное накрыла волна беспомысленности: кто он такой, имя, фамилия, происхождение... Дети за грехи отцов не отвечали – лозунг был формальный, но иногда работал. Над именем и фамилией долго не мудрили. Никитой Мечниковым звали жителя деревни, который нашел его в лесу под Царским Селом и привез в городской детский приемник. Детский дом под Ленинградом, речевки, лозунги, прописные марксистские истины, вбиваемые в голову с малых лет. Там же школа, мастерские при школе. Военный коммунизм был везде – даже в детских домах. А когда прошла его эпоха – путевка в жизнь, свобода, высшее техническое училище в городе на Неве. Учебу бросил через год – не его стезя. Манила офицерская карьера. Служба в армии в Приволжском военном округе, поступление в военное училище. Он с упорством проходил все тяготы, выпустился с отличием. Попал в разведку, бои на озере Хасан, где взвод, которым

он командовал, понес потери, но выявил за сопками замаскированные огневые точки японцев, сильно мешающие жить советским войскам, и артиллерия благополучно их разнесла. Именные часы от командования, короткий отпуск, за который он не только не решил проблемы с личной жизнью, а только усугубил существующие. Полностью отдался службе, молодой еще – успеет обзавестись семьей. Перевод в Ленинградский военный округ, серьезные проблемы с буржуазной Финляндией, чьи войска стояли в 90 километрах от Ленинграда и создавали символу Советской власти серьезную угрозу...

...Около полуночи прибыл посыльный от командира роты Покровского. Капитан желал его видеть. Покровский и политрук Зимин расположились в домике через дорогу. Двор был завален снегом. Участок пустовал еще до появления советских войск. Передвигаться по городу было странно – ни одного местного жителя, только военные. Ожидалось прибытие роты НКВД, призванной взять город под контроль. А потом, по мере отдаления линии фронта, предстояло сформироваться подобно гражданской власти, могли вернуться отдельные жители...

– Отдыхают твои люди, старший лейтенант? – поинтересовался Покровский, расстелив в натопленной комнате карту. – Хорошо, пусть отдыхают, силы ребятам не помешают. Смотри сюда, – ткнул он пальцем в карту. – Как видишь, полная муть. На север лишь одна дорога, по крайней мере из тех, по которой можно пройти и проехать. До Кохтлы десять верст. Про эту местность мы ничего не знаем... впрочем, как и всегда. Из карты явствует, что это сплошные леса и несколько извилистых озер. Вот здесь, через три километра, слева по ходу движения – деревня Каллела, надо полагать, оставленная жителями. Про другие населенные пункты сведений нет – возможно, они отсутствуют, но скорее всего не обозначены на карте. Командование полка получило приказ: с раннего утра выдвигаться вперед, не дожидаясь, пока подтянутся соседи.

– Опасно, товарищ капитан, – задумчиво изрек Мечников. – Про партизанскую тактику финнов мы знаем не понаслышке. Тем более здесь, где только одна дорога...

– Разумеется, опасно, – пожал плечами Покровский. – Война – это вообще опасное дело. А чтобы уменьшить риск, существует разведка. Мы опрашивали местных жителей... до того, как всех отправили в тыл, а их насобирали в этом городке душ семьдесят – в основном женщины и дети. Финский батальон, державший высоту, снялся с позиций примерно в пять утра. Все сделали тихо, грамотно, мы сидели в полутора верстах и в ус не дули. В этом не грех у финнов и поучиться... В начале шестого финские части прошли через город и растворились в северном лесу. При этом, по свидетельствам очевидцев, они меньше всего напоминали деморализованное войско Наполеона у Березины. Тащили все вооружение, пулеметы, минометы, ящики с патронами. Автомобильной техники у них не было, но имелись сани, запряженные лошадьми. Единственная грузовая машина ушла перед проходом всей колонны – мы полагаем, что с ранеными. Лыжников там не было, и это хорошо...

– Они уже дошли до Кохтлы, – резюмировал Мечников. – А возможно, рассосались по лесам, поставили ловушки и ждут, когда мы пойдем по единственной дороге.

– Давай не будем каркать, – поморщился Покровский. – Взводы Овчинникова и Лозового, соблюдая меры предосторожности, углубились в лес километра на два и никого не встретили. Выявили две мины на проезжей части, о чем впоследствии доложили саперам. Последние пойдут перед колонной, будут обезвреживать взрывные устройства. Я оставил в лесу несколько дозоров, в случае опасности они откроют огонь, и на северной окраине их услышат. Полк выступает в семь утра, перед рассветом. Твоему взводу особая задача. Получите лыжи... мы тут собрали кое-что по домам. Маскхалаты, автоматы «Суоми» – внешне вы не должны отличаться от финских лыжников. Хотя бы временно их можно ввести в заблуждение. Выдвигаетесь по лесу вдоль дороги – на проезжую часть не выходить. В лес не углубляться – в этом нет смысла. В случае опасности отгоняете противника, отвлекаете на себя. Каждые четверть часа отправляешь посыльных в тыл – я буду идти в голове колонны.

– Не нравится мне это, товарищ капитан, – покачал головой Мечников. – Приказ выполняю, сделаю все возможное, но очень мне это не нравится. Не умеем мы воевать в финских лесах.

– Можно подумать, мне нравится, – возмутился Покровский. – Но есть приказ: только вперед, не считаясь ни с чем. Проявим осторожность, местность будем изучать по мере выдвижения. В пять часов поднимай своих бойцов и идите получать лыжи. Удачи, Мечников...

Глава 4

Пушистый снег сыпался с ветвей на голову. Шуршали еловые лапы. В лесу было сумрачно, утро только начиналось. Невнятные тени скользили среди деревьев. Лыжники шли вдоль утрамбованной лесной дороги, огибали деревья, заросли бурелома, увенчанные снежными шапками. В лесу было тихо, торжественно, красиво – но вся эта красота могла рассыпаться в любой момент. Где-то сзади двигался полк, гремела техника, саперы проверяли дорогу, а здесь мирно, спокойно, словно в другом мире... Лыжи у финнов были короткие, широкие, практически не проваливались в снег, имели удобное крепление, подходящее к любой обуви. По ощущениям, прошли километра два, не спешили, пристально вглядывались в очертания зимнего леса. Упустить крупную засаду было невозможно – у разведчика глаз наметан. Что не заметит один, то заметит другой. Несколько раз Мечников отправлял посыльных в тыл – с наказом не рвать вперед, проявлять осмотрительность. Сбавляли ход, ждали, пока он вернется, за это время проверяли округу. Идти без лыжных палок было невозможно – поэтому автоматы у всех находились за спиной, что доставляло некоторый дискомфорт...

Утро выдалось морозным, но холод под теплыми одеждами не беспокоил. Главное, не останавливаться. Дорога плавно пошла на понижение, в низине произрастал кустарник. Люди по одному скатились вниз – идущие сзади сняли автоматы и прикрывали товарищей. Команды передавались по цепочке. Красноармейцы рассредоточились по низине, медленно поднимались, повесив автоматы на грудь. Но дальше опять был лес – загадочный, безмолвный. Шапки снега белели на еловых лапах. Их никто не беспокоил после последнего снегопада. Лыжни, оставленной посторонними, тоже не заметили. Деревья становились реже, появлялись свободные пространства. Разведчики увеличивали дистанцию, настороженно озираясь. Финские снайперы становились настоящим бедствием. Они сливались с местностью, могли лежать часами, подстерегая добычу, могли действовать группами, нанося подразделениям Красной Армии существенный урон. Солдат выкашивали сотнями, справиться с этой напастью было невозможно. Иногда замечали и вовсе что-то странное – снайперы в белых халатах забирались на ветвистые деревья, вили себе уютные гнезда, и их никто не замечал в гуще хвои. Жертвам не могло прийти в голову, что снайперы сидят на деревьях. Их прозвали «кукушками». В случае опасности они скатывались по веткам, прыгали в сугроб, хватали лыжи и были таковы...

По команде взвод остановился, люди присели. Через какое-то время снова тронулись в путь. Уже достаточно рассвело, но солнца не было, небо на востоке затянула хмарь. За пышными лиственницами начинался покатый овраг, затем ландшафт снова уходил вниз. В низине за снежным валом виднелись крыши – очевидно, деревня Каллела, обозначенная на карте. Мечников приказал остановиться, выслал вперед дозор. Разведчики вставали за деревья, чтобы не маячить на юру. Через пять минут Гурмаш с Машковским вернулись.

– Впереди еще одна дорога, товарищ старший лейтенант, – доложил Машковский. – Отходит влево от основной почти перпендикулярно и ведет в деревню. Но там все в снегу, мы проверили. По этой дороге никто не ходил. Деревня заброшена, нет там никого.

Никита, задумчиво кусая губы, всматривался в серую даль. Скорее всего Машковский прав, но в этом стоило убедиться. Деревня останется в тылу уходящего полка, и это не очень хорошо. Лес здесь редкий, и со стороны деревни прекрасно видно часть дороги. А то, что финны не оставили следов на примыкающей дороге, ничего не значит. Могли подойти и с запада...

– Виноградов, расставь своих людей в цепь, – скомандовал он. – Малым ходом – вперед. Кочергин, прикрываешь людей Виноградова. Дробыч, Тарасенко – дуете в полк, пусть остановятся и расставят дозоры. Береженого, как говорится...

Лыжники выдвинулись на косогор, присели на корточки. Представшая им местность была необычайно красива. За плавным спуском с холма раскинулась маленькая деревня. Несколько бревенчатых изб сиротливо жались друг к дружке, люди там не жили. Сколько разведчики ни всматривались, не выявили ни одной тропки в снегу. Не вился дымок, не лаяли собаки. Крыши прогибались под гнетом сугробов. Плетни на околицах тоже были заметены. За деревней простирался величественный вечнозеленый лес, уходящий на запад на многие километры. Синели пихты на опушке, валялись поваленные бурей ели.

– Ну, здравствуй, Суоми-красавица... – пробормотал Карабаш. – Знала бы ты, гадина, как уже осточертела... Как там, интересно, с «кукушками», товарищ старший лейтенант? Может, подойдем, поинтересуемся, сколько нам жить осталось?

«Откуда там «кукушки»? – подумал Мечников. – Эта местность в стороне от дороги, нашим солдатам там делать нечего». Можно было уходить, но что-то не давало. Не любил командир разведзвода незавершенных дел.

– Виноградов, со своими людьми остаешься здесь, – приказал он. – Рассыпаться на склоне, залечь, контролировать местность на триста шестьдесят градусов. А мы с ребятами Кочергина пойдем вниз...

Деревня явно была заброшена. И в лесу позади Каллелы обретались только представители фауны – хотя снег был девственно чист, но кое-где отмечен заячьими следами. Разведчики съезжая вниз, стали огибать деревню. Западный плетень тоже утонул в сугробах, и лес на западе не подавал признаков жизни. Анкутдинов и Абызов прогулялись до опушки, вернулись, сообщив, что все не тронут, снег по горло, можно застрять в утонувшем кустарнике. На западной околице остался Карабаш, остальные стали прочесывать деревню. Населенный пункт вымер, не было смысла заходить в дома – пышные сугробы скопились под дверьми и окнами. Однако заходили – ногами расчищали снег, выламывали двери. Их встречала пыльная неуютная обстановка, пустые чердаки и подполы. Жители покинули населенный пункт задолго до сегодняшнего дня. Никита уже жалел о потраченном времени.

– Кочергин, собирай парней, уходим! – крикнул он, выходя во двор. – Карабаш, пошли! – позвал он бойца, который продолжал прохладжаться на околице. – Нечего здесь делать!

Разведчики перелезли через плетень, встали на лыжи. Никита шел последним, подгонял отставшего Карабаша. Тот вроде и не спешил, покуривал папиросу, меланхолично поглядывал в небо.

– Не спешим, боец? – строго спросил Никита. – Любим разглядывать верхние слои атмосферы?

– Да иду я, товарищ старший лейтенант, иду... – проворчал Карабаш, выбрасывая папиросу.

Он скрипел лыжами за спиной, шумно дышал, но вдруг, приостановившись, прошептал:

– Товарищ старший лейтенант, не оглядывайтесь. И не тормозите, идите, как шли, не подавайте вида, будто что-то не так... Здесь они, гады, в лесу затаились, держат нас на прицеле... Но если у деревни не стреляли, то и теперь не будут, не мы их мишень, понимаете? Не знаю, кто они такие, сколько их, но они там точно присутствуют... Обтянули каски защитной тканью, но я же старый охотник, все вижу... Засек несколько рож за сугробами, и в лесу еще кто-то... Представляете, курсирую вдоль плетня, а у самого кровь в жилах стынет, спина инеем покрывается. Смотрят, гады, ждут, когда мы уберемся... В общем, все сказал, командир, дальше сами принимайте решение...

Теперь и взводный почувствовал жжение под лопаткой. Из леса следили за разведчиками, восходящими на склон. Но Карабаш был прав – если сразу не открыли огонь, то теперь не откроют. Что там в лесу? Сколько их? Есть ли смысл оставлять несколько человек в тылу советского полка? Бойцы Кочергина поднялись на склон, где их встретило отделение Виноградова.

– Все в порядке, товарищ старший лейтенант? – спросил командир отделения. – Вы какой-то бледный или нет?

– Порядок, дышалка подводит, – усмехнулся Никита. – Строиться в две колонны, выходим на дорогу...

Он не мог им намекнуть даже взглядом! Если группу высматривают в бинокль, то все поймут.

И только на дороге, когда деревня спряталась за косогором и исчезло жжение в спине, он, облегченно переведя дыхание, построил разведчиков в шеренгу. Последние новости всколыхнули солдат.

– Да вроде не было там никого, товарищ старший лейтенант, – недоуменно пожал плечами Лузин. – Мы же все осмотрели. И снежок там непримятый...

– Были люди, – гнул свою линию Карабаш. – Я не идиот, и со зрением все в порядке. Это вы слепые. Они не гражданские, каски на них. Сидели там и ждали, пока мы уберемся...

Сомневаться в наблюдательности Карабаша не приходилось. Мечников снова отправил людей во все концы: отделению Кочергина продолжать движение, уйти вперед на триста метров и занять круговую оборону. Абызов и Александров – в полк, доложить обо всем Покровскому. А капитан пусть докладывает наверх. Полк должен остановиться! Остальным отойти назад – тоже на триста метров. С комвзвода в обход пойдут двое – Карабаш и Данилов, нечего там толпиться. Сигнал тревоги – громкая и продолжительная стрельба...

Задача обогнуть деревню с юга оказалась непростой. Снег в низине стоял по горло, сохранять равновесие было непросто. Заплетались ветки кустарника, хватали за ноги, путались и мешались еловые лапы – они гнулись к земле под весом липкого снега. Разведчики передвигались медленно, приподнимая ветки. Тьма ельника сгущалась, и это превращалось в настоящую проблему. Деревня была справа, но точно Мечников уже не ориентировался, и их могли заметить в любую минуту. Если в лесу сосредоточилось подразделение финской армии, то обязаны выставить дозоры...

– Довольно, товарищ старший лейтенант... – Карабаш скорчился под пышной лесной красавицей, стаскивая лыжи. – Я из Иркутска, работал в тайге на лесозаготовках, несколько лет занимался охотой и умею бесшумно передвигаться по лесу. У вас нет такого опыта, и любая ошибка может дорого стоить... Оставайтесь с Лехой, я один поползу – чувствую задним местом, что уже рядом. Лыжи оставлю. Если что, пальну, тогда уходите...

Карабаш был прав – в непролазных финских лесах пасовали даже опытные следопыты. Никита кивнул: давай. Карабаш по-пластунски отполз, скрылся за хвойными юбками.

Ждать пришлось довольно долго. Они не разговаривали, лежали, обняв финские автоматы, смотрели на мерно качающиеся кроны деревьев. Наконец Карабаш вернулся – сполз в яму, извиваясь ужом, стал приводить в порядок дыхание. Глаза парня плутовато бегали.

– Вот это да, товарищ старший лейтенант... Невероятно, мать их... Вот ведь хитрецы... До лощины, которая за опушкой, метров восемьдесят... Я видел пост – их двое, пришлось сделать крюк... Лощина в длину метров пятьдесят, она вплотную примыкает к опушке. Командир, там минометная батарея... – Он даже начал заикаться от волнения. – Вот, ей-богу, не вру, штук шесть минометов, готовы к работе, расчеты на местах. Солдат человек тридцать, вооружены автоматическим оружием, есть пулеметы. Костры не жгут, у них одеяла, соорудили себе лежанки из лап, одеты тепло... Им до лесной дороги по прямой – метров двести пятьдесят. Пошла наша колонна – накрыли бы, как миленьких. Что тут стрелять? Ерунда. А если на дерево залезть, то можно и огонь корректировать... Понятия не имею, командир, как они туда попали, видимо, нарисовались с запада, на санях тащили гранатометы, знают этот лес наизусть. А мы смотрим, что снежок нетронутый, – и делаем вывод, что в окрестностях деревни никого нет...

– Тебя точно не засекли?

– Уверен. Я же не первый год в таких лесах. У нас под Иркутском и похуже бывают чащи... Надо быстро что-то решать, товарищ старший лейтенант. Колонну ждут. Увидят, что ее нет, начнут беспокоиться, вышлют разведку...

Мысли в голове блуждали, как неприкаянные. Карабаш ошибался. Минометная батарея не должна была стрелять именно сейчас. Ну, повредила бы несколько машин, убила бы энное количество солдат, которых после обстрела все равно останется много. Дело нескольких минут – подтянуть пару орудий, те же минометы, и разнести, к чертовой матери, опушку! И финны не могут этого не понимать. Они не самоубийцы. В противном случае на дороге бы сидели наблюдатели, корректировщики, связные, кто там еще? Но вроде не было никого, иначе разведчики столкнулись бы с трудностями. Другое дело, если колонну полка впереди поджидала засада – причем не простая засада, а призванная разнести полк целиком. А в задачу минометной батареи входило перекрыть дорогу отступающим. Тогда понятно их нынешнее безмолвие, отсутствие связных с корректировщиками...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.